Текст · 27 мая 2025, 15:19
Ольга Ромашова,

Обман с обменом. Вместо пленных Россия вернула Украине бывших заключенных, которых и так должны были депортировать

Среди украинцев, вернувшихся домой во время обмена по формуле «1 000 на 1 000», были бывшие заключенные, которые и так дожидались депортации в центрах для иностранных граждан — но не было ни одного бойца «Азова». «Медиазона» поговорила об этой и других странностях самого большого с начала войны обмена с его участниками, родственниками военнопленных и адвокатами, защищающими украинцев в российских судах.

---

16 мая на переговорах в Стамбуле российская и украинская делегации договорились об обмене пленными по формуле «1 000 на 1 000». Обмен начался 23 мая и прошел в три этапа: в течение трех суток стороны передавали друг другу партии по 390, 307 и 303 человека.

В российском Минобороны сообщили, что из Украины вернулись 880 военнопленных и 120 гражданских лиц. В число последних, вероятно, включены люди, осужденные в Украине по обвинениям в коллаборационизме; российский омбудсмен Татьяна Москалькова назвала их «политзаключенными». Кроме того, Украина передала России 20 пожилых жителей Курской области, приграничные районы которой несколько месяцев были оккупированы ВСУ.

Известно также, что Россия передала Украине 52 морских пехотинца из 36-й бригады морской пехоты ВСУ, которые защищали Мариуполь и попали в плен в марте 2022 года.

Однако результаты этого обмена — самого масштабного с начала войны — вызвали критику и в России, и в Украине.

Командир 1-го корпуса бригады «Азов» полковник Денис Прокопенко написал, что в обменных списках не было ни одного «азовца», и назвал это «позором» для Украины. При этом, по сведениям украинских журналистов, Россия выдала Киеву перебежчика, который еще в 2021 году добровольно перешел на сторону самопровозглашенной ДНР. В Координационном штабе по вопросам обращения с военнопленными этот казус объяснили так: «Мы не могли влиять на списки. Россия передала тех, кого готова была передать, Украина также».

Z-блогерка Анастасия Кашеварова придерживается похожей версии: «Этот обмен прошел по ускоренной программе, фактически без торгов и согласований».

Обмен вместо депортации

«Медиазона» выяснила, что часть попавших в обмен гражданских украинцев — это люди, которые были осуждены в России по уголовным статьям, отбыли наказание, а потом не смогли вернуться домой из-за войны. В мирное время они могли бы самостоятельно уехать в Украину, а если бы не сделали этого, то были бы депортированы. Однако теперь российские власти годами держат их в центрах для иностранных граждан (ЦВСИГ). Так было и с двумя собеседниками «Медиазоны».

48-летний Сергей Распутный отбыл 13 лет по делу об убийстве[1] и, выйдя из колонии в октябре 2024 года, сразу попал в тамбовский спецприемник. Там, по словам Сергея, его и других украинцев упорно вербовали на войну, утверждая, что это единственный способ выбраться из заключения.

«Вы отсюда никуда не уедете. У вас два пути — либо на войну, либо будете сидеть до бесконечности», — вспоминает Распутный слова российских силовиков.

Спустя четыре месяца его перевели в тамбовский ЦВСИГ; до этого администрация центра по какой-то причине не принимала украинцев, рассказывает Сергей. Там он провел еще четыре месяца. Все это время и он сам, и другие украинцы, и их родственники

добивались включения в списки на обмен и писали в разные инстанции, однако ответов не было.

21 мая украинцам неожиданно сказали собираться на этап. На автобусах их отвезли в московский ЦВСИГ в Сахарово, а оттуда — в Беларусь. 23 мая они были уже в Украине.

«Фантастическим образом заказывают нас на этап. Мы даже не знавши, не гадавши, как получилось. Мы как-то попали в списки каким-то образом. Мы даже не знали, не предполагали», — говорит Распутный.

По его впечатлениям, даже начальники ЦВСИГов не знали деталей происходящего. «Всей информации владеет [только] Москва, потому что Москва дает распоряжение», — заключает он.

Сергей добавляет, что, насколько ему известно, ожидающих депортации украинцев возвращали на родину и во время предыдущих обменов, при этом они не входили в обменный фонд и официально не включались в число обменянных.

«Военных меняют, допустим, 300 на 300, а выдворяют еще дополнительно, допустим, человек 40 украинцев и пропускают какую-то определенную группу, допустим, с Курской области[2]», — описывает он схему обмена.

Но в этот раз бывших заключенных из ЦВСИГ почему-то включили в число подлежащих обмену гражданских. По словам Распутного, в его автобусе было чуть больше 40 человек, «из них пару человек [на] выдворение[3], остальные депортированные».

Во время разговора с «Медиазоной» Сергей находился в больнице в Киеве. «Сейчас реабилитация, реинтеграция какая-то, восстановление документов, потому что у многих документов нет, у некоторых просрочены. Сдаем анализы, проходим какие-то медкомиссии», — рассказал он.

Максим Мельников[4] провел в Тамбове около восьми месяцев. Перед этим он отсидел 7 лет в российской колонии по делу о хранении наркотиков. Для Максима обмен тоже стал неожиданностью.

«За день пришли, сказали: "Завтра уезжаете". Неизвестно, может быть, на Грузию[5], может быть, домой. Никто ничего не знает. Нам сказали, чтобы мы были собраны», — говорит украинец.

Мельников считает, что он и его товарищи по ЦВСИГ «с божьей помощью чудом попали» в обмен. По словам мужчины, пока он находится в шоке и только начинает адаптироваться к свободе после долгого заключения.

Он добавляет, что не всех украинцев, с которыми он и Сергей познакомились в тамбовском ЦВСИГ, обменяли. По какой принципу формировались списки, неясно.

Оба собеседника «Медиазоны» во время обмена не видели украинских заключенных с оккупированных территорий. Накануне «Агентство» писало, что среди гражданских участников обмена много «бывших украинских зеков, которых вывезли в Россию после аннексии».

«Мы перемешались со всеми, и я ни от кого не слышал, что там вот такие ребята были», — утверждает Сергей Распутный.

По данным правозащитницы Анны Скрипки из гражданской организации *«Захист в'язнів України»*[6], Россия все же вернула «по меньшей мере 15 осужденных, находившихся в колониях на оккупированных территориях Херсонской и Николаевской области и принудительно депортированных во время отступления россиян в 2022 году». Из 1 800 заключенных, вывезенных тогда на подконтрольные России территории, за два года домой вернулись всего «около 380 человек», уточнила Скрипка.

«Кто попадет в списки, это вообще никак не узнаешь»

Адвокаты военнопленных и гражданских украинцев, которых судят в России за сопротивление оккупации, говорят, что разочарованы итогами обмена.

«Этот большой обмен, тысяча на тысячу, в принципе предполагал первоочередность тех, кто в этом действительно нуждается, тех, кто давно находится

фактически в плену», — говорит адвокат Виктория Белова[7].

Другие собеседники «Медиазоны» указывают на непропорционально малое число гражданских лиц в обменных списках (всего 120 против 880 военнопленных).

«Я считаю, что если страны руководствуются принципами гуманизма, в первую очередь надо менять некомбатантов, больных, женщин, то есть тех лиц, которые не могут способствовать продолжению конфликта», — рассуждает адвокат Роман Николаев[8].

Похожими мыслями делится и адвокат Белова. «Я, конечно, рада очень за тех людей, которые все же попадают в этот обмен. Но не могу не сказать о том, что я разочарована как адвокат, который защищает интересы украинских женщин. Есть такие, которые и седьмой год ждут обмен, и, по всей видимости, ждать им еще очень долго. Хотя они не теряют надежды и верят в то, что они не забыты. У меня есть подзащитные, которых дома ждет маленький ребенок, который фактически уже вырос без мамы. И я даже не знаю, что говорить им и как им объяснять, что в обмене только военнослужащие ВСУ», — признается защитница.

Собеседники «Медиазоны» обращают внимание, что в обмен никогда не попадают люди, задержанные на территориях самопровозглашенных ДНР и ЛНР, притом что их довольно много. Адвокат Алиса Алексеева[9] объясняет это так: Россия, «если она

присоединила территорию, то она считает, что

присоединила и граждан», то есть украинцы, даже если они сопротивлялись аннексии, с точки зрения российского государства все равно оказываются россиянами.

Говоря о военнопленных, адвокат Николаев отмечает, в последний обмен не попал ни один из бойцов «Азова». Они находятся в заключении уже больше трех лет, многие подвергались пыткам. «Мой подзащитный вообще передвигается на костылях после методов допроса в Донецке. Мы ожидали, что именно таких людей, которые уже максимально долго сидят в российском плену, все-таки как-то включат в обмен», — рассказывает защитник.

По словам украинца Александра Проценко[10], он слышал от людей, участвующих в организации обмена, что Россия не хочет отдавать «азовцев» и тех, кого она считает «азовцами».

Отец Александра служил водителем на базе «Азова», но уволился за несколько лет до начала полномасштабной войны. После захвата Мариуполя его задержали, избили, несколько месяцев продержали в Донецке без связи с внешним миром, а потом судили в Ростове-на-Дону по обвинению в терроризме и приговорили к 20 годам колонии.

Ситуацию осложняет то, что механизм обмена гражданских лиц не проработан ни в Украине, ни в России, рассуждает Проценко. «В Украине есть понятие *цивільний полонений*. Это понятие устное, юридического нет понятия, ими всеми[11] занимаются одни и те же службы. То есть юридически он такой же военнопленный», — говорит Александр об отце.

По его словам, среди украинцев распространено мнение, что власти прилагают недостаточно усилий для возвращения пленных. Однако трудно сказать, так ли это на самом деле. В случае «азовцев», по мнению Александра, Россия действительно может затягивать обмен ради «шантажа, чтобы на кого-то покрупнее обменять, какие-то условия выбить».

«Россияне понимают прекрасно, что в украинском обществе из-за этого могут быть разногласия. Люди будут, ну... бунтовать — громко сказано, но недовольство будет», — говорит он.

При этом, подчеркивают собеседники «Медиазоны», существует прецедент, когда Россия была готова менять «кого угодно».

«Когда есть политическая воля, отдают всех по большому счету», — подводит итог адвокат Алексеева. Так, в сентябре 2022 года Россия передала Турции командиров «Азова», спустя некоторое время они вернулись в Украину.

Адвокаты отмечают непрозрачность всего обменного процесса. Если в Украине за организацию обменов отвечает Координационный штаб по вопросам

обращения с военнопленными, подчиненный ГУР, то в России официально подобной институции нет.

Адвокат Екатерина Фролова[12] вспоминает, как по просьбе своего подзащитного-украинца попыталась выяснить, кто составляет списки на обмен, и разослала запросы в разные ведомства. Уполномоченная по правам человека посоветовала обращаться в МИД, а из Минобороны отправили во ФСИН, так как доверитель Фроловой был уже осужден. «Потом они начали друг другу пересылать его обращения», — говорит защитница.

Адвокат Ярослав Соболев[13] предполагает, что решения принимает комиссия из представителей Министерства обороны, администрации президента и контрразведки. Адвокат Алексеева высказывается более определенно: «С той стороны СБУ, с этой стороны ФСБ [все решает]. Кто попадет в списки, как это все согласовывается, это вообще никак не узнаешь».

Текст: Ольга Ромашова при участии Елены Дымовой и Анны Павловой

Редактор: Дмитрий Ткачев

Дополнено в 21:30. Добавлены слова украинской правозащитницы Анны Скрипки о 15 заключенных, принудительно вывезенных российскими военными с оккупированных территорий; эти данные появились уже после публикации текста.

1. Часть 1 статьи 105 УК.

2. То есть Украина возвращает в Россию гражданских лиц, перемещенных из оккупированных районов Курской области.

3. Один из видов административного наказания. В отличие от депортации, решение о выдворении принимает суд, а не миграционная служба.

4. Имя изменено по просьбе собеседника «Медиазоны».

5. Один из маршрутов высылки украинцев во время войны, когда прямое сообщение с Россией прервалось.

6. «Защита узников Украины».

7. По просьбе собеседницы «Медиазоны» ее имя изменено.

8. По просьбе собеседника «Медиазоны» его имя изменено.

9. По просьбе собеседницы «Медиазоны» ее имя изменено.

10. По просьбе собеседника «Медиазоны» его имя изменено.

11. И военнопленными, и гражданскими заложниками.

12. По просьбе собеседницы «Медиазоны» ее имя изменено.

13. По просьбе собеседника «Медиазоны» его имя изменено.